

УДК 930(2)

DOI 10.24147/2312-1300.2025.12(3).171-181

А. И. Ключев

«ГОРАЦИЙ И СОВРЕМЕННОСТЬ»: НЕОПУБЛИКОВАННАЯ СТАТЬЯ А. П. СЕМЁНОВА-ТЯН-ШАНСКОГО*

Впервые в полном объёме публикуется статья известного зоолога А. П. Семёнова-Тян-Шанского, посвящённая творчеству Квинта Горация Флакка. Данная статья задумывалась автором как предисловие к сборнику переводов избранных од и эпод римского поэта, готовившемуся к публикации в 1935–1936 гг. в издательстве «Academia» в рамках празднования 2000-летнего юбилея Горация (1935). Текст статьи, однако, не был опубликован в первоначальном виде, как полагает автор публикации, в связи с изменившейся политической конъюнктурой.

Ключевые слова: издательство «Academia»; Квинт Гораций Флакк; А. П. Семёнов-Тян-Шанский; «классики» в советской культуре; «великая апроприация»; литература в советской культуре; советская Античность.

Публикуя ранее не издававшуюся в полном объёме статью «Гораций и современность», мы исходим из двух основных соображений. Во-первых, данная работа открывает малоизвестные аспекты жизни и творчества выдающегося зоолога Андрея Петровича Семёнова-Тян-Шанского, автора труда «Таксономические границы вида и его подразделений» (СПб., 1910), который является наиболее известным среди его теоретических исследований в области зоологической систематики и который принёс ему признание как в России, так и за рубежом. Во-вторых, и что представляется нам особенно важным, публикация этой статьи даёт возможность исследовать механизмы функционирования издательского дела в Советской России 1930-х гг., которые часто остаются скрытыми от специалистов.

В 1936 г. издательство «Academia» выпустило два тома произведений римского поэта Квинта Горация Флакка: «Избранную лирику» в переводе и с комментариями А. П. Семёнова-Тян-Шанского¹, а также «Полное собрание сочинений» под редакци-

ей известного филолога-классика Ф. А. Петровского². Эти издания были приурочены к празднованию 2000-летия со дня рождения поэта в 1935 г. Но если полное собрание сочинений вышло в строгом соответствии с издательским планом, то издание «Избранной лирики» подверглось существенной переработке и вмешательству со стороны издательства.

Издание «Избранной лирики», помимо переводов Горация, включало послесловие переводчика, а также примечания и статью филолога-классика Ф. А. Петровского – «Лирические размеры Горация». Наше внимание привлекает именно послесловие, поскольку, согласно договору от 7 июня 1935 г., заключённому между издательством в лице его заведующего Я. Д. Янсона и автором издания, оно изначально не планировалось: в договоре речь шла о вводной статье³.

В качестве вводной статьи автором, по всей видимости, был представлен текст под названием «Гораций и современность». Однако в имеющихся источниках нигде прямо не указывается, что статья носила именно

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках проекта «Издательство "Academia" в интеллектуальной культуре советской России 1920–1930-х гг.: опыт анализа», № 23-28-01147, <https://rscf.ru/project/23-28-01147/>.

такое название. Обычно в документах она фигурирует как «вводная статья», «вступительная статья», просто «статья» или даже «Квинт Гораций Флакк»⁴. Тем не менее факт того, что статья «Гораций и современность» действительно служила вводной, подтверждается несколькими обстоятельствами. Во-первых, датой, проставленной В. О. Нилендером, редактором серии «Античная литература», в левом верхнем углу машинописного экземпляра текста – 20 февраля 1934 г.⁵, что свидетельствует о том, что статья была сдана в редакцию. Во-вторых, об этом свидетельствуют прямые текстовые совпадения между публикуемым текстом и тем, что было опубликовано в виде послесловия: процент совпадений при сравнении двух текстов достигает почти 52 %⁶. Эти данные хорошо согласуются с сообщением заместителя начальника редакционного сектора издательства Я. Эльсберга от 3 декабря 1935 г. о порядке вёрстки издания, где упоминаются статья «От переводчика» и указание, что в книгу войдёт лишь «вторая часть вступительной статьи», тогда как «первую часть этой статьи включать не предполагается»⁷.

Если обратиться к дате, указанной В. О. Нилендером на машинописном экземпляре текста, становится очевидным, что статья была завершена значительно раньше, чем издательство утвердило план выпуска «малого» Горация. Из переписки Ф. А. Петровского с А. П. Семёновым-Тян-Шанским следует, что это произошло не ранее 27 мая 1935 г., т. е. спустя более года после появления идеи одновременного издания двух томов сочинений римского поэта (24 марта 1934 г.)⁸. Кроме того, в письме А. П. Семёнова-Тян-Шанского в издательство «Academia» от 25 мая 1935 г. говорится о том, что его вводная статья была одобрена «в своё время (здесь и далее курсив наш. – А. К.) нашей Академией Наук, которая собиралась в своё время издать мой труд»⁹. У нас нет информации о конкретном издании, которое имеется в виду, но исходя из последующих строк письма, где упоминаются годы «издательского кризиса из-за нехватки бумаги и ликвидации при Академии наук СССР отдела изящной словесности», можно предположить, что речь идёт о событиях конца 1920-х – начала 1930-х гг.

Важно, что до конца июля 1935 г. статья «Гораций и современность», как и сам план издания, не вызывали каких-либо возражений со стороны редакции издательства. Как минимум 6 июля 1935 г. В. О. Нилендер даёт заключение, в котором указывает на то, что статья «вполне приемлема» (мы помним также и о том, что Ф. А. Петровский должен был знать о существовании этой вводной статьи как минимум с 20 февраля 1934 г. и, надо полагать, не имел к тексту существенных претензий)¹⁰. Однако вскоре появляется отзыв Д. А. Горбова на рукопись Горация, в котором говорится о том, что «статья – неудовлетворительна: она не даёт социологического анализа творчества Горация, не освещает его роль при Меценате и Августе, а вместо этого выражает восхищение проф. Семёнова-Тян-Шанского “патриотизмом” Горация, его “примиренческой” ролью в гражданской войне в Риме и его политической “прозорливостью” и занимается общим моральным “оправданием” Горация»¹¹. Общий итог отзыва автора звучит следующим образом: «Снять статью, дав вторую её половину (о самой работе переводчика) позади текста»¹². Несмотря на все протесты со стороны А. П. Семёнова-Тян-Шанского, с чем, собственно, и связана задержка публикации книги, итог мы знаем: статья подверглась серьёзной корректировке, в результате чего свет увидел небольшой суррогат изначального текста объёмом в три страницы (с. 155–157), помещённый в конце издания.

Сотрудники издательства объясняли такое вмешательство в результате многолетнего труда известного энтомолога особенно-стями новой серии двуязычных изданий в «Academia», где публикация объёмного введения считалась излишней¹³. Но с нашей точки зрения, важно обратить внимание также и на определённую трансформацию социально-политического и социокультурного контекста на протяжении 1930-х гг.

В соответствии с концепцией К. Кларк, в Советском Союзе в 1920–1930-е гг. происходил конфликт между идеями национализма и интернационализма [1, с. 14]. Одним из ярких проявлений интернационалистских тенденций стало активное издание переводной литературы (К. Кларк называет этот процесс «Великой апроприацией»). Важную

роль в этом процессе сыграло издательство «Academia», особенно в период заведывания издательством Л. Б. Каменевым. События 1934–1935 гг., включая арест Л. Б. Каменева и последующее назначение на должность заведующего издательством Я. Д. Янсона, сигнализировали о начале процесса усиления контроля и цензуры над деятельностью издательства. Смерть М. Горького в 1936 г. окончательно лишила «Academia» влиятельного покровителя. Результатом данных изменений стала резкая критика в прессе деятельности издательства, в том числе за отсутствие должной политической бдительности и публикацию «реакционных» произведений [2].

Одним из примеров влияния новых политических реалий стал пересмотр плана по изданию «Избранной лирики» Горация в переводе А. П. Семёнова-Тян-Шанского. Это решение отражало не только изменение курса самого издательства, но и общее направление внутренней политики, которая всё больше опиралась на концепцию патриотизма. Для подтверждения вышесказанного рассмотрим, какие именно фрагменты первоначального текста были подвергнуты цензуре. Во-первых, вся та часть статьи, в которой обосновывается автором значение творческого наследия Горация через цитирование высказываний о римском поэте Ф. Ф. Зелинского и Фр. Ницше. Во-вторых, опущена вся биографическая часть статьи не только потому, что она имеет пересечения со статьёй

«Квинт Гораций Флакк», которую подготовил В. Я. Каплинский для полного собрания сочинений, но и потому, что передавала «идеализированный» образ поэта (именно в этой части, согласно отзыву Д. А. Горбова, автор «выражает восхищение» и «занимается “оправданием”»). В-третьих, полностью исключены из текста ряд авторов и коллег, на которых А. П. Семёнов-Тян-Шанский ссылается в первоначальном тексте, к примеру, уже упомянутые Ф. Ф. Зелинский и Фр. Ницше, а также М. Вебер, Ап. Н. Майков и другие, в том числе ряд стихотворных вставок автора.

Статья «Гораций и современность» впервые публикуется в полном объёме по машинописному оригиналу, сохранившемуся в личном фонде А. П. Семёнова-Тян-Шанского с разрешения Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук. Текст публикуется по современным правилам орфографии с учётом особенностей стиля автора статьи, а также сохранением авторских подчёркиваний текста. Ссылки, помеченные знаком «*», указывают на авторство А. П. Семёнова-Тян-Шанского; остальные ссылки, обозначенные арабскими цифрами, добавлены публикатором. В примечаниях основное внимание уделено разъяснению историографической ситуации, тогда как события античной и мировой истории, хорошо известные специалистам, оставлены без дополнительных пояснений.

ГОРАЦИЙ И СОВРЕМЕННОСТЬ¹⁴

Отдавая, в течение ряда лет, свои досуги изучению и возможно тщательному стихотворному переводу лирических произведений Горация, я позволял себе надеяться, что труд мой не будет совсем бесполезен.

Думалось мне так потому, что я считал существенно важным, особенно в наше время, содействовать русской молодёжи в ознакомлении с произведениями великих представителей вечно юной античности.

Меня могут спросить, почему я остановился в поставленной себе задаче именно на Горации в качестве представителя античного мира. Отвечу на это, что считаю Горация не только одним из величайших в мире хозяев художественного слова, не только наиболее блестящим по таланту, зрелости, мастерству, эрудиции и разносторонности своего творчества представителем золотого века римской художественной литературы, но и одним из ярких выразителей античного мира вообще, ибо он собрал лучи как своей эпохи, так и предыдущих, благоговейно восприняв и отразив всё наиболее светлое из великого художественного наследия Эллады.

И я, конечно, не одинок в таком мнении о Горации.

Вот непосредственный отзыв о Горации его современника, также знаменитого римского поэта, *Овидия*, в автобиографическом стихотворении, недавно переведённом на русский язык проф[ессором] Ф. Ф. Зелинским¹⁵:

С благоговеньем взирал я на сверстников наших-поэтов;
Музы любимцев мой ум равными богу считал.
Макр престарелый нередко «О птицах» читал мне поэму,
И об опасности змей, и о целебности трав;
Часто влюблённый *Проперций* свои доверял мне зазнобы,
Он, что товарищем мне с раннего возраста был;
Понтик, героев певец, и, прославленный ядом сатиры,
Басс украшали часы жизни моей молодой;
Мощно, волшебник стиха, чаровал мою душу *Гораций*,
Песен обдуманых лад лире вверяя родной¹⁶.

А вот, наряду с этим, отзыв о Горации и такого типичного сына XIX века, каким был Фридрих Ницше¹⁷:

«До сих пор ни один поэт не доставлял мне такого художественного восхищения, как Гораций в его одах. То, что здесь достигнуто, в известных языках не может быть даже предметом хотения. Эта мозаика, в которой каждое слово как звук, как место, как понятие излучает свою силу на всю окрестность, этот минимум в объёме и числе знаков и достигнутый этим максимум в энергии, – всё это нечто римское и, прошу верить, нечто изысканное *par excellence*. В сравнении с этим вся остальная поэзия становится чем-то уже слишком вульгарным, – просто болтливостью чувства»

/«*Gotzer-Dämmerung*»¹⁸/

И, хотя Ф. Ф. Зелинский справедливо заметил по поводу этого отрывка, что «Ницше не мог возвышать одного, не принижая другого» и что «суждение его об *остальной поэзии* надо оставить поэтому на его ответственности»¹⁹, я полагаю, что отзыв Ницше, в части, относящейся к Горацию, совершенно правилен.

Квинт Гораций Флакк родился 8 декабря 65-го года до Р.Х.; умер 27 ноября 8-го года до Р.Х. Был он, как известно, сыном вольноотпущенника, который затратил все свои скудные средства на воспитание и широкое образование сына в Риме и в Афинах. Начало сознательной жизни Горация совпало с последним периодом сложной и жестокой, почти столетней эпопеи римских гражданских войн, этапами течения которых могут служить в нашей памяти имена Гракхов, Суллы, Мария, Цинны, Помпея, Юлия Цезаря, Цицерона, Катилины, Антония, Марка Брута и Кассия, Гая Октавия, позже – цезаря Октавиана Августа.

Имена, с одной стороны, Марка Брута, с другой – Гая Цильния Мецената и цезаря Августа нам напомнят о главных перипетиях в жизни великого поэта, который из пылкого римского республиканца смолоду, следуя путём житейского опыта строгой логики, постепенно превратился в убеждённого сторонника осторожного и тактичного цезаря Августа и его своеобразной монархической системы (принципата), направленной к возрождению и укреплению духовных сил Италии как мощного государственного организма, призванного властвовать над доступным тогда Римлянам миром.

Толкнуло на этот путь и удержало на нём Горация не только присущее ему чувство горячего патриотизма, но и постоянное опасение нашествия варваров. Опасение это оказалось, как известно, вдвойне пророческим: и для Запада, и для Востока Римского государства. Но прозорливость Горация не ограничивалась этим. Он видел великую опасность для своего отечества также и в прогрессивном упадке нравов, занесённом в Рим из покорённых им стран Востока и поддерживаемом расшатавшей все старые республиканские устои эпохой гражданских войн.

Близость Горация – через Мецената – к Августу породила не раз, поддерживает подчас ещё и в наши дни мнение о Горации как об усердном панегиристе и прислужнике всемогущего в то время цезаря.

Не может быть ничего легкомысленнее такого суждения.

Если Гораций действительно славословил и всячески возвеличивал вошедшего в полную силу только благодаря своим личным качествам Августа, обожествляя его историческую фигуру, напр[имер], таким обращением к богу Меркурию²⁰:

Или ты явил нам в чертах героя
На земле свой лик, благодатной Майи
Окрылённый сын, и не ты-ль за гибель
Цезаря мститель?

Не спеши уйти ты на небо; долго
Пребывай благой среди народа Рима,
Чтоб тебя не взял на порочных гневным
Ветер поспешный.

Продолжай среди нас ты любить триумфы,
Имя и отца и главы народа,
Воли чтоб не дать для набегов Персам,
Цезарь-водитель¹ [.]

то, поступал так Гораций как горячий и искренний патриот и умный человек в то же самое время: к концу 20-х годов до Р.Х., когда написана эта знаменитая ода, Рим, после почти ста лет гражданских войн с непрерывными сменами носителей власти, находился в полном истощении и жаждал мира. «Сладость покоя» (*dulcedo otii* – по выражению Тацита) была в то время мечтою всего римского народа, и мечту эту сулил осуществить Октавиан Август. Говоря словами М.И. Ростовцева^{2*}, «Октавиан, как этап на страдной дороге гражданской войны, был ничто. Октавиан, как носитель и залог мира был всё, и спаситель, и мессия, и бог и сын»²¹.

Лично к Октавиану Гораций питал несомненно большое уважение и симпатию. Широко развитый эстетически и умственно Август платил Горацию тем же и искал более интимного сближения с поэтом. Но поэт имел силу воли отстоять свои личную свободу и независимость, отклонив предложение Августа быть его личным секретарём и, следовательно, ближайшим сотрудником в государственном деле. Но если Август оказывал влияние, через их общего друга Мецената, на Горация, то и поэт наш имел в некоторых отношениях несомненное и большое влияние на главу государства. Мы можем указать, как на пример такого влияния, на бытовые идеалы Августа, положенные в основу его государственного строительства: идеалы эти являлись отражением демократических идеалов Горация, развитых в его произведениях.

Горация иногда осуждают за его эпикуреизм в жизни. Да, он был до некоторой степени, особенно в молодые свои годы, эпикурейцем, как и все почти его современники. Но разве могло быть иначе в ту эпоху, когда вся житейская мудрость слагалась из сочетания догматов эпикурейской и стоической философии? Сибаритом однако Гораций никогда не был.

В области мысли и поэтического творчества Гораций чувствовал себя, несомненно, умственным аристократом и, как чистый служитель Муз, призывал *презирать недоброжелательную чернь* («*malignum spetnere volgus*»). Но в душе он был тем не менее полным демократом.

Вспомним по этому поводу и нашего Пушкина с его стихами, с одной стороны:

Увижу-ль я, друзья, народ неугнетённый
И рабство падшее.....²²

с другой –

Поэт, не дорожи любовью народной...
Ты царь. Живи один!²³

В Горации жили, в сущности, два человека. Сын вольноотпущенника, скромный землевладелец, он не мог не быть в душе прирождённым демократом.

С другой стороны, его светское воспитание и близость к Меценату, а через него к Августу, вращение в высших кругах римской знати, как результат его литературных успехов, заставляли Горация приносить известную дань этим кругам – участием в пирах и попойках.

Отдал Гораций дань, ещё более обильную, и сладостным утехам любви, «*dulcibus amoribus*», по его собственному выражению.

Но разве можно было ожидать иного в эпоху религиозного культа физической красоты человека от природы пылкой и страстной, каковой был Гораций подобно многим и многим истинным поэтам: вспомним хотя бы Пушкина, Гете и, в особенности, Байрона.

В обширнейшей литературе о Горации можно встретить две противоположные точки зрения на его личность: одни, по примеру знаменитого немецкого критика Лессинга²⁴ или посвятившего значительную часть своей жизни изучению жизни римского поэта французского аббата Carmartin de Chaury²⁵, далее таких авторитетов, как Виланд²⁶, Вебер²⁷, видят в Горации личность этически весьма высокостоящую; другие, по примеру тех скептиков и хулителей, которые неизменно заводятся, отчасти по спекулятивным побуждениям, в атмосфере, окружающей всякое великое явление в жизни, относятся к личности Горация отрицательно.

Истина лежит, несомненно, между этими двумя крайними взглядами.

Не говоря о том, что судить историческую личность можно только при учёте всех условий породившей её эпохи, в праве ли мы, вообще, предъявлять педантически строгие моральные требования к личностям гениально одарённых в каком-либо отношении людей?

Сама жизнь говорит нам: нет.

Пока не требует поэта
К священной жертве Аполлон,
.....
Меж детей ничтожных мира
Быть может всех ничтожней он²⁸.

Ведь эту истину сказала жизнь словами нашего литературного гения. А народная мудрость говорит нам: «И солнце не без пятен».

Если бы великий Гете был в жизни образцом всех возможных добродетелей во вкусе своей страны и своего времени; если бы на душе его не лежал тяжёлым бременем совершенный им в молодые годы проступок перед совестью, он, конечно, не создал бы такой бессмертной общечеловеческой трагедии, как «Фауст».

Для нас несравненно показательнее, поэтому, сознательное отношение великого человека к своим слабостям и проступкам и степень чуткости его совести.

Все мелкие слабости в высшей степени человеческой и человечески понятной природы Горация, в которых он чистосердечно исповедовался в своих произведениях, с великой лихвой искупаются, помимо его таланта и светлого ума, высокими свойствами его души – благородной, честной, независимой, бескорыстной, чуткой ко всему прекрасному и, несмотря на прирождённую пылкость характера, в высшей степени уравновешенной. Бессмертными доказательствами душевных качеств Горация служит и его трогательная дружба с Меценатом, и его полные сердечности отношения ко всем выдающимся поэтам и литераторам того времени, прежде всего к Вергилию, Тибулу и Луцию Варию, причём ему было совершенно чуждо чувство зависти к кому бы то ни было, и благородное почитание памяти своих скромных родителей, и, наконец, достоинство личных его отношений к цезарю Августу. Все идеалы Горация были неизменно, при всех обстоятельствах жизни, честны и благородны.

О славе и популярности, которыми пользовались произведения Горация на протяжении веков, говорят следующие факты.

До половины XIX века количество изданий текста стихотворений Горация в Западной Европе уступало только Библии и трактату «О подражании Христу». Литература о Горации поистине колоссальна^{3*}. Приводят и ещё не один пример морального значения, в разные эпохи истории, произведений Горация. Когда в 1672 г. голландский республиканец Корнелис де Витт²⁹, в результате своей борьбы с властью штатгальтера Вильгельма III Оранского³⁰, был обречён на смертную казнь, он, перед лицом смерти, громкогласно декламировал знаменитое начало 3-ей оды III книги Горация:

Iustum et tenacem propositi virum
Non civium ardor prava jubentium,
Non voltus instantis tyranni
Mente quatit solida, neque Auster,

5. Dux inquieti turbidus Hadrias,
Nec fulminantis magna manus Jovis;
Si fractus inlabatur orbis,
Impavidum ferient ruinae.

Кто справедлив и твёрд в убеждениях,
Того ни голос граждан увлѣкшихся,
 Ни грозный взор и гнѣт тирана
Ни поколеблют в душе, ни ветер.

5. Владыка буйный зыбкого Адрия,
Ни длань Зевеса мощная с молнией;
 Пусть даже свод небесный рухнет,
Примет он смерть средь руин без страха³¹.

Не менее показателен и тот факт, что множество отдельных выражений, афоризмов и стихов Горация вошло в обиход жизни всех цивилизованных народов, сделавшись их «крылатыми словесами». Вспомним хотя бы:

«Parturiunt montes, nascatur ridiculus mus».

Horat[ius]. De arte poetica, v. 139.

(В моем переводе:

«Мучатся горы в родах, – родят смехотворную мышь лишь»).

Или: «Dulce et decorum eat pro patria mori»

(«Красна и сладка смерть за отечество»)

«Carpe diem» («Лови этот день»),

«Non sine floribus» («Не без цветов»),

«gaudere fontibus integris» («дорожить нетронутыми ключами»)

и мн. др.

Для того, чтобы показать, как до сих пор отмечает Гораций нашим переживаниям, как историческим, так и индивидуально-жизненным, я даю здесь ряд его произведений в своих стихотворных переложениях, над которыми много уже лет работаю.

Я ограничиваюсь при этом одними лирическими произведениями Горация, именно его песнями (carmina), которые в мировой литературе не совсем удачно называются одами, и ямбическими эподами как наиболее совершенными стихотворениями зрелого периода деятельности Горация³².

В русской литературе, кроме множества переводов отдельных пьес, существует два обширных стихотворных перевода Горация: 1) полный перевод всех его сочинений, сделанный нашим великим лириком Фетом³³, и 2) полный перевод од Горация, исполненный Порфирьевым³⁴. Оба перевода передают лирические произведения Горация, за единичными исключениями, современными средствами, – нашими обиходными тоническими размерами и притом стихами, большей частью рифмованными. А это придает произведениям римского поэта совершенно чуждый им облик, несвойственный им стиль, часто превращая их как бы в самостоятельные русские стихотворения, написанные только на темы Горация, по примеру нескольких пьес, напр[имер], Аполлона Майкова³⁵.

Я задался поэтому целью передать Горация по-русски с возможно полным соблюдением его стиля и формы.

Задача была тем более важной, что сам Гораций считал, как это высказано в его «Памятнике», одной из главных своих заслуг «переведение Эолийской песни на итальянские лады», т. е. введение им в римскую лирику всех почти древне-греческих метров, созданных Алкеем, Сапфо, Асклепиадом и другими древне-греческими поэтами.

Хотя я и имел многочисленных предшественников в деле применения античных греко-римских метров в русской версификации, начиная с Сумарокова³⁶, современника Державина³⁷ – Львова³⁸, Александра Радищева³⁹, известного филолога первой половины XIX века Востокова⁴⁰ и мн. других, задача моя была тем далее трудной, что применение античной метрики в русском стихосложении, за исключением одного лишь гекзаметра и элегического дистиха, успеха не имело и было признано делом безнадежным даже со стороны такого авторитета в этой области, каким был покойный академик Ф.Е. Корш⁴¹.

Моя работа получила, однако, широкое поощрение со стороны наших первых авторитетов в области античной литературы, профессоров Ф. Ф. Зелинского, М. И. Ростовцева, А. И. Малейна⁴², покойного академика В. В. Латышева⁴³, первоклассного мастера в деле стихотворных переложений покойного профессора Н. А. Холодковского⁴⁴, большого знатока поэтической нормы и техники стихосложения, поэта и критика В. Я. Брюсова⁴⁵, теоретика версификации, поэта Н. Н. Шульговского⁴⁶, выдающихся наших педагогов-классиков С. О. Цыбульского⁴⁷, Г. Г. Зоргенфрея⁴⁸, А. М. Пульмана и ряда других лиц⁴⁹, высоко компетентных если не в технике стихосложения, то в деле стильного перевода классиков. Всем названным лицам я приношу здесь ещё раз сердечную благодарность за нравственную и фактическую помощь, оказанную мне в работе, значительно более трудной, чем это может казаться с первого взгляда.

Форма моих переводов⁵⁰ из Горация может быть названа силлаботоническим претворением метрических схем античности. В своих переложениях лирических пьес Горация я старался, избегая рабства в переводе, возможно близко подойти к подлиннику в разных отношениях: в отношении точной передачи мысли, образности, изобразительной пластики, логической ин-терпункции, евфоничности, а в некоторых случаях даже в отношении словорасположения и звукописи оригинала.

Мне особенно приятно лишний раз напомнить бессмертные песни Горация в такое время, когда обезличенная унитарностью и утилитарностью школа призвана всё больше и больше отрывать нас от того античного мира, который воспитал в своё время и Ломоносова, и Пушкина; мне отраднее напомнить Горация в те дни, когда наша школа не даёт уже подготовки для ознакомления с античной поэзией в подлиннике!⁵¹

Но много всё же проигрывают те, кто не может вкусить поэзию Горация, как и других классиков, в подлиннике⁵². Чарующая красота полных величия звуков латинской речи, классическая сжатость и выразительность языка Горация, античные гипербаты, т. е. широкий разброс и переплетение слов, совершенно немислимые в нашей речи, яркая звукопись, метрическая изобразительность путём разложения долгих и слияния коротких слогов, наконец, античная просодия – всё это свойства непередаваемые, или передаваемые только отчасти в русском переложении, несмотря на поразительное и лексическое и фонетическое богатство, несмотря на замечательную метрическую гибкость и приспособляемость нашего прекрасного, полного жизненной силы и в высшей степени для благодарного для поэзии языка⁵³.

Велика преемственная сила слова, в особенности художественного. И глубоко прав наш славный современник Бунин, выразивший следующий завет в одном из прекрасных своих стихотворений:

Молчат гробницы, мумии и кости, –
Лишь слову жизнь дана:
Из древней тьмы на мировом погосте[,]
Звучат лишь письма.

И нет у нас иного достоянья.
Умейте-же беречь
Хоть в меру сил, в дни злобы и страданья,
Наш дар бессмертный – речь!

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Знаменитое заключение 2-й оды 1-й книги.

² Рождение Римской Империи, 1918, стр. 120.

³ Уже в «Bibliotheca Horatiana», появившейся в 1775 г., перечень сочинений, относящихся к Горацию, занял 160 стр. Можно себе представить, говорил Благовещенский ещё 60 лет тому назад, какие размеры принял бы этот каталог в настоящее время! В Западной Европе были примеры посвящения целых книжек отдельным стихотворениям Горация: назовём изданный в Германии Immerman'ом сборник переводом и переложений на разные языки одной только песни Г[орация] («Donec gratus eram tibi»).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Квинт Гораций Флакк. Избранная лирика / пер. и коммент. А. П. Семёнова-Тян-Шанского. – М. ; Л. : Academia, 1936. – 194 с.

² Квинт Гораций Флакк. Полное собрание сочинений / под ред. и с прим. Ф. А. Петровского ; вступ. ст. В. Я. Каплинского. – М. ; Л. : Academia, 1936. – 447 с.

³ Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 56. Л. 6.

⁴ РГАЛИ. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 56. Л. 7, 12, 15, 25 об.; Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПф АРАН). Ф. 722. Оп. 2. Д. 820. Л. 20–20 об., 31–31 об.

⁵ СПф АРАН. Ф. 722. Оп. 1. Д. 4. Л. 130.

⁶ Для расчётов использованы программные комплексы КаМІ и GIGA Chat. Результаты верифицированы автором.

⁷ РГАЛИ. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 56. Л. 26.

⁸ СПф АРАН. Ф. 722. Оп. 2. Д. 820. Л. 1–1 об., 20–20 об.

⁹ РГАЛИ. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 56. Л. 5–5 об.

¹⁰ Там же. Л. 11.

¹¹ Там же. Л. 15.

¹² Там же.

¹³ РГАЛИ. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 56. Л. 28, 34; СПф АРАН. Ф. 722. Оп. 2. Д. 820. Л. 30–34 об.

¹⁴ В левом верхнем углу имеется следующая распорядительная надпись – «Ф. А. Петровскому на рецензию. [подпись]. 20.II.1934». Подпись принадлежит В. О. Нилендеру.

¹⁵ Фаддей Францевич Зелинский (1859–1944) – филолог-классик, антиковед.

¹⁶ Цитируется X элегия четвертой книги «Скорбных элегий» Овидия.

¹⁷ Фридрих Вильгельм Ницше (1844–1900) – немецкий философ, филолог.

¹⁸ Автор цитирует знаменитый сборник эссе Ф. Ницше «Götzen-Dämmerung oder Wie man mit dem Hammer philosophiert» – «Сумерки идолов, или Как философствуют молотом», в разделе которого – «Чем я обязан древним» – специально говорится о Горации.

¹⁹ Автор цитирует работу Ф. Ф. Зелинского «Фридрих Ницше и античность».

²⁰ В данном месте машинописи имеется пометка карандашом – Carmina, I, 2, 41–48.

²¹ Михаил Иванович Ростовцев (1870–1952) – российский историк античности, археолог, академик Петербургской академии наук. См.: *Ростовцев М. И.* Рождение Римской империи. – Петроград : Огни, 1918. – 145 с.

²² Стихотворение А. С. Пушкина «Деревня» (1819).

²³ Стихотворение А. С. Пушкина «Поэту» (1830).

²⁴ Готхольд Эфраим Лессинг (1729–1781) – немецкий драматург, теоретик искусства.

²⁵ Бертран Капмартин де Шапи (1720–1798) – французский писатель и археолог.

²⁶ Кристоф-Мартин Виланд (1733–1813) – немецкий писатель, один из крупнейших представителей немецкого Просвещения.

²⁷ Макс Вебер (1864–1920) – известный социолог, культуролог и философ.

²⁸ Стихотворение А. С. Пушкина «Поэт» (1827).

²⁹ Корнелис де Витт (1623–1672) – нидерландский политик.

³⁰ Вильгельм III Оранский (1650–1702) – статхаудер Нидерландов в 1672–1702 гг., король Англии в 1689–1702 гг.

³¹ Возможно, перевод авторский. Данная ода в издание избранной лирики Горация не вошла, а в полном собрании сочинений данная ода дана в переводе Н. С. Гинцбурга.

³² С этого фрагмента в изменённом виде начинается текст послесловия А. П. Семёнова-Тян-Шанского, который будет опубликован. Ср.: «Настоящий сборник включает одни *лирические* произведения Горация, именно его *песни* (carmina), которые в мировой литературе называются *одами*, а также ямбические эподы, как наиболее совершенные стихотворения Горация».

³³ Афанасий Афанасьевич Фет (1820–1892) – поэт, переводчик и публицист. См., напр.: К. Гораций Флакк в переводе и с объяснениями А. Фета. – М. : Тип. Щепкина, 1883. – 485 с.

³⁴ Пётр Федорович Порфиоров (1870–1903) – поэт и переводчик. См., напр.: *Порфиоров П. Ф.* Лирические стихотворения Квинта Горация Флакка. – СПб. : б. и., 1902. – 214 с.

³⁵ Аполлон Николаевич Майков (1821–1897) – поэт, член-корреспондент Петербургской академии наук. Слова начиная с «по примеру» и до конца из итогового текста послесловия были вычеркнуты.

³⁶ Александр Петрович Сумароков (1717–1777) – поэт и драматург.

³⁷ Гаврила Романович Державин (1743–1816) – поэт и государственный деятель.

³⁸ Николай Александрович Львов (1753–1803(1804)) – архитектор, график, литератор, тайный советник, почётный член Императорской Академии художеств.

³⁹ Александр Николаевич Радищев (1749–1802) – русский писатель.

⁴⁰ Александр Христофорович Востоков (1781–1864) – российский филолог, поэт и переводчик.

⁴¹ Фёдор Евгеньевич Корш (1843–1915) – филолог-классик, славист, востоковед и переводчик.

⁴² Александр Иустинович Малейн (1869–1938) – филолог-классик, член-корреспондент Петроградской академии наук.

⁴³ Василий Васильевич Латышев (1855–1921) – филолог-классик, эпиграфист, член-корреспондент Петербургской академии наук.

⁴⁴ Николай Александрович Холодковский (1858–1921) – зоолог и поэт-переводчик, член-корреспондент Петербургской академии наук.

⁴⁵ Валерий Яковлевич Брюсов (1873–1924) – поэт и драматург, переводчик.

⁴⁶ Николай Николаевич Шульговский (1880–1934?) – писатель, поэт и переводчик.

⁴⁷ Степан Осипович Цыбульский (1858 – после 1933?) – филолог-классик.

⁴⁸ Густав Густавович Зоргенфрей (1871 – не ранее 1934?) – филолог-классик.

⁴⁹ До этого момента правка текста со стороны редактора была строго стилистической. После

фразы «ряда других лиц» в итоговом варианте текста стоит знак «точка», а завершается абзац следующим предложением: «Всем названным лицам я глубоко благодарен за помощь».

⁵⁰ В итоговой версии – «мои переводы».

⁵¹ В итоговой версии статьи данный абзац опущен полностью.

⁵² Первое предложение в изданном варианте статьи дано следующим образом: «В полной мере поэзию Горация, как и других классиков, можно оценить, лишь читая её в подлиннике».

⁵³ На этом итоговый текст статьи заканчивается.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кларк К.* Москва, четвёртый Рим: сталинизм, космополитизм и эволюция советской культуры (1931–1941). – М. : НЛЮ, 2018. – 520 с.
2. *Крылов В. В., Кичатова Е. В.* Издательство «Academia»: люди и книги. 1921–1938–1991. – М. : Academia, 2004. – 328 с.

Сведения об авторе

Ключев Артем Игоревич – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского (Омск, Россия)

Адрес для корреспонденции: 644077, Россия, Омск, пр. Мира, 55а

E-mail: kluevartem@mail.ru

РИНЦ AuthorID: 638923

ORCID: 0000-0003-0123-9008

WoS ResearcherID: J-2503-2017

Информация о статье

Дата поступления – 10 сентября 2024 г.

Дата принятия в печать – 10 июля 2025 г.

Для цитирования

Ключев А. И. «Гораций и современность»: неопубликованная статья А. П. Семёнова-Тян-Шанского // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2025. Т. 12, № 3 (47). С. 171–181. DOI: 10.24147/2312-1300.2025.12(3).171-181.

A.I. Klyuev

“HORACE AND MODERNITY”: AN UNPUBLISHED ARTICLE BY ANDREI P. SEMENOV-TIAN-SHANSKY

For the first time, an article by the famous zoologist Andrei P. Semyonov-Tyan-Shansky devoted to the work of Quintus Horace Flaccus is published in full. This article was conceived by the author as a preface to a collection of translations of selected odes and epodes of the Roman poet, which was being prepared for publication in 1935–1936 in the publishing house “Academia” as part of the celebration of the 2000th anniversary of Horace (1935). The text of the article, however, was not published in its original form, as the author of the publication believes, due to the changed political conjuncture.

Keywords: Academia Publishing House; Quintus Horace Flaccus; Andrei P. Semyonov-Tyan-Shansky; “classics” in Soviet culture; “great appropriation”; literature in Soviet culture; Soviet Antiquity.

REFERENCES

1. *Clark K.* *Moskva, chetvertyi Rim: stalinizm, kosmopolitizm i evolyutsiya sovetskoi kul'tury (1931–1941)* [Moscow, the Fourth Rome: Stalinism, Cosmopolitanism and the Evolution of Soviet Culture (1931–1941)], Moscow, NLO Publ., 2018, 520 p. (in Russian).
2. *Krylov V.V., Kichatova E.V.* *Izdatel'stvo "Academia": lyudi i knigi. 1921–1938–1991* [Academia Publishing House: People and Books. 1921–1938–1991], Moscow, Academia Publ., 2004, 328 p. (in Russian).

About the author

Artem I. Klyuev – PhD in Historical Sciences,
Associate Professor of the Department of General
History

Dostoevsky Omsk State University
(Omsk, Russia)

Postal address: 55a, Mira pr., Omsk, 644077,
Russia

E-mail: kluevartem@mail.ru

RSCI AuthorID: 638923

ORCID: 0000-0003-0123-9008

WoS ResearcherID: J-2503-2017

Article info

Received – September 10, 2024

Accepted – July 10, 2025

For citations

Klyuev A.I. "Horace and Modernity": an
Unpublished Article by Andrei P. Semenov-Tian-
Shansky. *Herald of Omsk University. Series*
"Historical Studies", 2025, vol. 12, no. 3 (47),
pp. 171-181. DOI: 10.24147/2312-1300.2025.12
(3).171-181 (in Russian).